

Уваров, Л.В., Лойко, А.И. Духовный образ патриотизма и интеллектуальной культуры, созданный Е. Полоцкой

Как мало мы еще знаем о сочетании мысли и образа, когда произносим слово «Родина!». Как подчеркивает А.Ф. Лосев, нас рождает не просто «бытие», не просто «материя», и не просто «действительность», а Родина, та мать и та семья, которые уже сами по себе есть нечто святое и чистое. Любящий любит не потому, что любимое – высоко, велико, огромно.

Благородный гражданин, сын своей Родины понимает, что у Родины-Матери много и слабого, больного, немощного, неустроенного, безрадостного. Но и рублища ее созерцаются как родные ему. Веления этой Матери Родины непререкаемы. Жертвы во имя нее неотвратимы, сладки и духовны. Родное и всеобщее, которое порождает человека – со смертью - вновь принимает его в свое лоно. Духовный путь прошла Е. Полоцкая и ее образ стал ассоциироваться с Родиной добра и истины, жертвенности.

Поэтому наша философия должна стать философией Родины и Жертвы, а не отвлеченной головной и никому не нужной «теорией познания» или «учением о бытии или материи». Да не покажется странным ход мыслей выдающегося русского и советского ученого А.Ф. Лосева. Он ратует за углубление понимания жизни, ее духовных оснований, радостей и страданий, отбрасывая умозрительные конструкции [1. с.6].

И хотя понятие Родины несоизмеримо по своей огромной значимости с понятием «государства», тем не менее, патриотизм предполагает также уважение, любовь к государству, его почитание, сознательное подчинение государственному законодательству, как учил еще Платон.

Освоение этики гражданственности, предполагающей любовь к Родине, а также другие нормы и принципы, становится важнейшим элементом формирования гуманистической идеологии в Республике Беларусь. Она строит стабильную рыночную экономику, регулируемую сильным государством, ориентированную на социальные запросы людей, опирающуюся на христианские духовные ценности и богатые национальные традиции белорусского народа.

Родоначальниками этих ценностей и традиций в Беларуси были в XII веке Е. Полоцкая, К. Туровский. В качестве источника морали они рассматривали библейские заповеди всеобщей любви, добра, единения. В XVI веке творил Франциск Скорина, который был основоположником восточнославянского книгопечатания на Беларуси, первым перевел Библию на белорусский язык со своими предисловиями послесловиями. В философски-этических воззрениях Ф. Скорина разделяет взгляды своей эпохи (Возрождения) со ссылками, естественно, на античных мыслителей. В частности, он согласен с мыслями Сократа и Платона о том, что добродетельный человек равнозначен знающему, то есть добродетели можно научить.

В возрожденческом духе Ф. Скорина рассматривает и человека в целом как существо разумное, нравственное и общественное. Как патриот своей Родины Ф. Скорина проникновенно говорит: «Как звери, живущие в пустыне, знают ямы свои; как птицы, летающие по воздуху, знают гнезда свои; рыбы, плавающие по морю и в реках, чуют виры (глубокие места) свои, так и люди к своему родному месту ласку имеют» [2].

Так перекликаются традиции и современность в многогранной духовной и социальной жизни Республики Беларусь.

Победа советского народа над гитлеровской Германией в тяжелейшей, кровопролитной Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. должна остаться навсегда в памяти поколений. Об этом надо помнить не только в памятные даты, ибо неисчислимые жертвы были принесены на алтарь Победы.

Если же говорить о памятных датах, то стоит сказать, что человечество 9 мая 2015 года торжественно отметило 70-летие со дня окончания второй мировой войны, которая для Советского Союза была одновременно Великой Отечественной войной и Великой Победой над фашистской Германией [3].

Неоценимый вклад в эту победу внес и белорусский народ, который выдержал тяжелейшие испытания и страдания, проявил невиданную силу духа, мужество, героизм и патриотизм. В этой духовности и в годы испытаний, и в мирное время в очередной раз проявилась такая важная черта славянского национального характера, присущая и белорусам, и русским, и представителям других национальностей, как сострадание.

Ф. Достоевский считал сострадание (как умение жить чувствами и мыслями других людей) главнейшим и может быть единственным законом всего человечества. Продолжая эту мысль, Н. Бердяев убежден, что новая этика персонализма (в основе которой лежит опыт боли и страдания в генезисе добра и зла) должна сделать сострадание одним из краеугольных своих камней наряду со свободой и творчеством. По мнению философа, русскому этическому сознанию присущи любовь и сострадание к человеку, но чужды изоляция и самодовольство.

Итак, сострадание было и остается составным элементом «менталитета», или «характера души» белорусского народа. Заметим, что второй термин более удачный, так как в нем дано личностное знание: сострадание, вера, надежда, любовь, чаяния, народные мыслеобразы мифологии и др. Что касается «менталитета», то этот термин носит абстрактно-отвлеченный характер и означает образ мыслей, умственных навыков. Но образ мыслей – это вовсе не мысли, данные в образах!

Наш нравственный мир настолько загадочен и притягателен, что интерес к его изучению, пониманию, постижению никогда не ослабевает, начиная с древних мифологически-религиозных представлений о душевно-духовных состояниях человека и кончая современной философией нравственности. И. Канта, который плодотворно развивал теорию нравственности, изумляло единство двух миров – звездного неба над нами и нравственного мира («закона») внутри нас. Оба мира бесконечны и несут в себе взаимные соответствия, сонстройки, как в гармонии, так и в хаосе, в созидании и разрушении, в проявлении добра и зла.

Моральные заповеди напоминают такой сигнал регулировки уличного движения, как светофор, в котором «красный цвет» запрещает движение, а «зеленый цвет» – разрешает, побуждает. Так, в Ветхом Завете из десяти заповедей шесть, которые были написаны Богом на двух каменных досках и даны Моисею, являются заповедями – запретами: «не произноси имени Господа Бога твоего напрасно»; «не убий»; «не прелюбодействуй»; «не укради»; «не произноси на другого ложного свидетельства»; «не желай жены ближнего твоего, не желай дома ближнего твоего и вообще ничего, что принадлежит ближнему твоему».

Что касается заповедей – побуждений к положительным действиям, то они даны в Новом Завете, в частности, в девяти заповедях блаженства, изложенных Иисусом Христом в его нагорной проповеди. Если Ветхозаветный закон – это закон строгой правды и однозначного ее исполнения, то Новозаветный закон Христов – закон Божественной любви и благодати, который дает людям силу исполнять Божий закон, опираясь на достаточную меру свободы в оценках заповедей.

Приведем лишь пару примеров вечного блаженства (наивысшего счастья) в будущей, вечной жизни, которые Иисус Христос обещает тем, кто будет исполнять его заповеди.

Так, первая заповедь гласит: «Блаженны нищие духом (смиренные): потому, что их есть (то есть, дано им будет) Царство Небесное». Что означает: «нищие духом»? Это такие люди, которые чувствуют и сознают свои грехи и недостатки душевные, ни перед кем не хвалятся и не гордятся. Поэтому их называют «смиренными».

Во второй заповеди сказано: «Блаженны плачущие (о грехах своих), потому что они утешатся». Кто такие «плачущие»? Это – люди, которые не только осознают свои грехи и недостатки душевные (как в первой заповеди), но также скорбят и плачут о них. Господь простит им грехи, он даст им еще на земле утешение, а на небе – вечную радость.

Ветхий Завет в большей степени выражает «мораль» и воспроизводит в смягченной форме правила родоплеменной морали, одним из которых является «табу» как категорический запрет, адресованный каждому, на действия, наносящие вред группе.

Новый Завет акцентирует, прежде всего «нравственность», как индивидуально-личностное осознание реального поведения. Такого рода осознание, углубляясь в мир души и духа, воплотилось в христианстве. Только оно приняло мистику грехопадения; слезы раскаяния и покаяния неправедных душ; аскетически – страстную волю к борьбе с грехом и злыми деяниями; постоянную жажду искупления; ужас перед смертью как уходом навечно из неповторимости земной жизни; неугасимую надежду на спасение – вечную небесную жизнь.

Христианство провозгласило мораль общих ценностей: «нет ни эллина, ни варвара». И тем не менее глубинная основа группового морального сознания и самого принципа коллективизма – от далекого прошлого до современности – заключается в противопоставлении «мы – они»: «мы – хорошие, они – плохие»; «мы – нравственные, а они – безнравственные».

Такая мораль тяготеет к шаблону, стандартам, к бесспорным нормам и образцам поведения. Здесь воспитание чревато авторитарностью, борьбой с инакомыслием, хотя без «нормативно – законнической» морали и невозможно обойтись (если ей нечего противопоставить принципиально отличного).

Предыдущая оговорка имеет существенное значение. Как подчеркивает Н. Бердяев, нормативно-законническая этика понимает свободу как некое осознанное, «необходимое принуждение», выраженное в субъективной оценке, что считать добром, а что злом в системе преходящих, изменяющихся, относительных интересов, пристрастий, нужд, условий социальной жизни в целом. Так что в этике закона теряются надежные критерии различения «добра» и «зла».

Требуется новый подход и к пониманию соотношения этики закона и этики творчества, как и соотношения добра и зла. Разумеется, человек живет в эмпирическом мире и как социальное существо руководствуется нравственными законами, нормами и принципами этого мира. Закон – это одна сторона морали.

Но есть и другая, более важная сторона – творчество. Нравственный человек должен соблюдать закон, но не как внешнее принуждение, не в качестве кантовской всеобщей «максимы» поведения для всех и всегда, а творчески, индивидуально и всякий раз иначе. Ибо во всех жизненных ситуациях мы имеем дело с конкретным живым человеком, а не с отвлеченным добром.

Как подчеркивает Н. Бердяев, не из социального следует понимать этическое, а наоборот из этического нужно понять социальное, которое само требует нравственной оценки, взятой уже из более глубинных и объективных оснований бытия, но не из абстрактно-оценочных, социальных категорий.

В категориально-нормативной этике нет даже попыток оправдания, обоснованности преимущества и победы добра над злом. Нельзя же всерьез принимать примитивную диалектику этих

противоположностей, вроде такой: «нет добра без зла и наоборот» или такого игривого тезиса: «добро – это зло со знаком плюс, а зло – это добро со знаком минус», либо, наконец, в виде такого «откровения»: «что для одного является добром, то для другого – злом».

Самое главное, в законнической этике нет иерархии, субординации духовных ценностей, завершающейся божественным Сверх-Добром, или Абсолютом (Ф. Достоевский, Н. Бердяев, Н. Лосский).

Как отмечает В. Соловьев, выдающийся русский мыслитель, оратор, поэт, степень подчинения лица обществу должна соответствовать степени подчинения общества нравственному добру, без чего общественная среда никаких прав на единичного человека не имеет. Что касается таинства этики (не морали, а нравственности!), то, по мнению В. Соловьева, она заключается в том, что отдельное существо может чувствовать как бы за пределами своей индивидуальности, болезненно отзываясь на чужое страдание, то есть ощущая его как свое собственное.

В названную тайну невозможно проникнуть с помощью абстрактных категорий. Требуется учет психоэнергетической, «дистанционной», парной сонастройки либо конфликтности душевных состояний общающихся. В последнем случае психологически враждебные отношения людей, простирающиеся от их «злой воли», исправляются нравственными нормами (включая моральные самонаблюдения и самооценки) С их помощью осуждаются злые деяния и поощряются добрые поступки и намерения.

По мнению Е. Полоцкой, духовность должна сопровождаться образованностью, воспитанием. Вместе они создают пространство интеллектуальной деятельности общества, которое формирует его постоянно воспроизводящийся ресурс. Духовность и интеллектуальное пространство деятельности народа создают основу его устойчивого развития. В современной Беларуси духовность восстановлена в ценностном статусе как культурная национальная традиция. Ядро этой патриотической традиции формирует православие. Об образованности белорусского общества свидетельствуют многочисленные рейтинги. Самой важной в свете наличия таких ресурсов становится задача эффективного

использования интеллектуальных ресурсов для обеспечения устойчивого развития белорусского общества. В связи с этим исследователи этой проблемы обращаются к тематике модернизации экономики, инновационной деятельности. Суммарно их позиция формулируется как стратегия движения к обществу инноваций [4]. В данной стратегии нет противоречия с духовностью в понимании Е. Полоцкой. Речь идет об обеспечении национальной безопасности в ключевом вопросе, связанном с устойчивым развитием национальной экономики. Одним из локомотивов этого развития могут стать парки высоких технологий и креативные ресурсы личности [5]. Тема креативной индустрии стала одной из самых обсуждаемых после того, как ресурсы человеческого капитала стали играть ключевую роль по отношению к сырьевым факторам деятельности. Из белорусских авторов впервые на эту тему обратила внимание И. Мацевич [6]. Креативные продукты новой индустрии – это авторское право, патенты, торговые знаки, дизайн, продукты программирования, интеллектуальная собственность. Речь идет о новом интегральном секторе экономики и культуры, в котором реализаторы инновационной деятельности могут найти необходимые им ресурсы интеллектуальной деятельности и креативной среды. Для того, чтобы они могли ими эффективно воспользоваться им необходима методология трансдисциплинарных решений. В этой методологии потребность в конкретных ресурсах креативной среды формируется не дисциплинарным подходом, а контекстом будущего применения [7]. Решение проблемы изначально имеет практическую направленность. Поэтому важны люди, способные не столько производить новые знания, сколько эффективно использовать те, что уже созданы и используются с низкой эффективностью. Такой вид деятельности не предполагает бюрократической системы и создания новых структур. В статусе ресурсов используются уже функционирующие исследовательские организации. На их основе могут в рамках НИОКР могут создаваться обусловленные практическими задачами временные творческие группы, состоящие из конструкторов, проектировщиков, архитекторов, дизайнеров, исследователей. В мировой науке такая модель творческого взаимодействия ученых и инженеров с практическим выходом изложения результатов исследований в форме научной статьи в

рейтинговых журналах профильного типа активно используется. География авторов может быть глобальной, но при этом их объединяет совместное решение практической задачи. Важно, чтобы эти практические задачи попадали в поле зрения посредников проблем, основной задачей деятельности которых является реализация инновационного процесса в форме нахождения промышленного применения полученных знаний и разработок. Этот процесс взаимодействия разных участников научной и инженерной деятельности представлен на уровне методологии науки в виде концепции «Mode 2» [8]. Глава белорусского государства, выступая перед национальным парламентом в апреле 2016 года с ежегодным посланием, глобальную тенденцию практической интеграции науки и промышленности актуализировал как национальную задачу. Локомотивом движения к экономике знаний определены Национальная академия наук и Парк высоких технологий.

Таким образом, благодаря Е. Полоцкой, патриотизм, образованность и интеллектуальная деятельность создали контекст практической реализации национальной стратегии развития Беларуси. В этой стратегии духовные факторы стали частью современного общества. Они приобрели вневременной характер. Они формируют культурные особенности деятельности белорусов. При этом речь более не идет о моделях догоняющих модернизаций.

Литература

1. Лосев, А. Родина / А. Лосев – Литературная газета, 24.01.1990
2. Францыск Скарына і яго час. – Мінск, 1995.
3. Духовные ценности и историческая память: к 70-летию Победы. – Минск, 2015.
4. Старжинский, В.П. На пути к обществу инноваций / В.П. Старжинский, В.В. Цепкало. – Минск, 2016.
5. Лойко, А.И. Информационные технологии и креативные ресурсы личности / А.И. Лойко // Информационные технологии в технических и социально-экономических системах. – Минск, 2016. С.283-285.
6. Matsevich, I. The challenges of creativity: cultural industries and cultural policy in Europe=Вызовы креативности: культурная

индустрия и культурная политика в Европе / I. Matsevich. – Minsk, 2010.

7. Федоров, В.С. Современный тип производства знания – «Mode 2» / В.С. Федоров // Социальная философия науки. Российская перспектива. – М., 2014. Т.6. Секция 5. С. 36-38.

8. The new production of knowledge: the dynamics of science and research in contemporary societies. – London, 1994.

***Мікуліч Д.Ю., Жоголь Н.Н.* Духоўная спадчына Еўфрасінні Полацкай і сучаснасць**

Еўфрасіння Полацкая - князеўна, ігумення, першы наш вядомы педагог, асветніца, першая жанчына, кананізаваная праваслаўнай царквой у святых. Гісторыя данесла пра яе не надта багатыя звесткі, але і яны дазваляюць убачыць агульнаеўрапейскую значнасць асобы гэтай надзвычай таленавітай жанчыны-падзвіжніцы. Яе ахвярная праца высока падымала аўтарытэт Полацкага княства і ўсіх земляў нашых продкаў.

На пачатку XII стагоддзя ў сям'і полацкага князя Святаслава-Георгія, малодшага сына Усяслава Чарадзея і княгіні Сафіі нарадзілася дачка. Дзяўчынку назвалі старажытным полацкім імем Прадслава. Вучылася Прадслава ў школе пры Сафіійскім саборы або дома, пры княжым двары. Настаўнікамі былі духоўныя асобы, найперш манахі, падручнікамі — Святое Пісанне, жыццёвая літаратура. «Жыццё» адзначае яе любасць да вучэння, стараннасць і вялікія здольнасці. Слава аб прыгажосці і адукаванасці Прадславы разнеслася «по всем градам», і ў Полацк, да князя Святаслава-Георгія, зачасцілі сваты. «Жыццё» апавядае, што, калі князеўне споўнілася дванаццаць гадоў, бацькі вырашылі аддаць яе замуж. І тут нечакана для блізкіх яна выбірае іншую пуцявіну. Прадслава прыходзіць у манастыр і пад імем Еўфрасінні таемна ад бацькоў прымае пострыг. За манастырскімі сценамі юная манашка магла значна паўней наталіць знаёмую ёй з дзяцінства прагу ведаў. Кола яе чытання было шырокае і разнастайнае.

Пражыўшы нейкі час за манастырскімі сценамі, Еўфрасіння папрасіла ў полацкага епіскапа Ільі дазволу пасяліцца ў Сафіійскім саборы. Атрымаўшы ўладкава бласлаўненне, княжна-манашка памянцала свой ранейшы прытулак на келлю ў Сафіі і «нача книги